

ФЕТИСЫЧ

Борис Екимов

Время — к полудню, а на дворе — ни свет, ни тьма. В окна глядит сизая наволочь поздней ненастной осени. Целый день светят в домах по хутору электрические огни, разгоняя долгие утренние да вечерние сумерки.

Девятилетний мальчонка Яков, с серьёзным прозвищем Фетисыч, обычно уроки готовил в дальней комнате, там, где и спал. Но нынче, скучая, пришёл он на кухню. Стол был свободен. Возле него отчим Фетисыча, Фёдор, маялся с похмелья: то чай заваривал, то наводил в большую кружку иряну — отчаянно кислого «откидного» молока с водой. Тут же топала на крепких ножонках младшая сестра Фетисыча — кудрявая Светланка.

Мальчик пришёл с тетрадью и задачиком, устроился за столом возле отчима.

— Места не хватило? — спросил его Фёдор.

— Я вам не буду мешать, — пообещал Фетисыч. — Вроде меня и нет. А за тем столом мне низко. Я наклоняюсь, и осанка у меня портится.

— Чего-чего? — переспросил Фёдор.

— Осанка. Это учительница говорит. Можешь спросить, если не веришь.

Фёдор лишь хмыкнул. К причудам пасынка он привык.

Вначале сидели молча. Фетисыч строчил свою арифметику. Фёдор пил чай и, скучая, глядел в окно, где сеялся мелкий дождь на серые хуторские дома, на раскисшую землю. Сидели молча. Малая Светланка таскала из ящика за игрушкой игрушку: пластмассовую собаку, мячик, куклу, крокодила — и вручала отцу с коротким: «На». Фёдор послушно брал и складывал это добро на столе. Горка росла.

Фетисыч скоро от уроков отвлёкся.

— Хочу тебя обрадовать, — для начала сказал он отчиму. — Ты же вчера был пьяный, не знаешь. А я пятёрки получил по русскому и по арифметике. По русскому — одну, а по арифметике — две.

Фёдор лишь вздохнул.

— Ты не думай, это непросто, — продолжал Фетисыч. — Одну пятёрку по арифметике — за домашнее задание, а другую — по новой теме. Я её понял, к доске вышел и решил.

— Заткнись, — остановил его Фёдор.

Фетисыч смолк. Снова повисла тишина. Светланка, мягко топя, таскала и таскала игрушки отцу. Горой они на столе лежали. Потом, заглянув в ящик, сказала «Всё» — и развела руками. И теперь пошло наоборот: подходила она к столу, говорила отцу: «Дай». Фёдор молча вручал ей игрушку, которую дочь несла к опустевшему ящику, и возвращалась к столу с требовательным: «Дай!»

Они были похожи, родные дочь и отец: кудрявые волосы — шапкой, черты лица мелковатые, но приятные. Отца старила ранняя седина, мятые подглазья, морщины — пил он в последнее время довольно крепко и быстро сдавал. А малая Светланка, как и положено, была ещё ангелочком в тёмных кудрях, с нежной кожей лица, с лёгким румянцем — красивая девочка. Мальчишка же, Яков, что по характеру, что по стати был для Фёдора кровью чужой. Фетисычем его звали за разговорчивость, за стариковскую рассудительность, которая приходилась то кстати, а то и совсем наоборот. Как теперь, например, когда Фёдору с похмелья и без разговоров свет был не мил. Фетисыч понимал это, даже сочувствовал. Углядев, как отчим косит глазами на жестяную коробку с табаком-самосадам и морщится, он сказал:

— Хочу тебе предложить. Ты вот болеешь сейчас с похмелья. А ты наберись силы воли и брось сразу курить. Помучаешься, зато потом тебе будет хорошо.

— Это ты сам придумал? — спросил Фёдор.

— Конечно.

— Значит, дурак.

Пришла с работы, с коровника, мать Фетисыча — Анна, женщина молодая, но полная, с одышкой. Через порог шагнув, она присела на табурет, укорила:

— Сидите? Дремлете? А мамка ваша — вся в мыле. Опять на себе тягали солому и силос. Вся техника стоит.

— А бригадир чего же? — живея, спросил Фёдор.

— От него проку... Ходит — роги в землю, ни на кого не глядит.

— А Мишки Холомина «Беларусь»? Он — гожий.

— Мишкин трактор теперь один на весь хутор. За ним, как за стельной коровой, глядят. Говорят, на случай. Кто заболевает... Или за хлебом. Тётка Маня правду гутарит: надо быков заводить. Бык — скотина беспогрешная. Ни солярки ему не надо, ни запчастей. На сололке попрёт.

Анна пришла в себя скоро: недолго посидела, прислонившись к стене, пожаловалась и, поднимаясь, спросила строго:

— А даже из печки не выгребли? Меня ждёте? И угля нет?

Фетисыч, не дожидаясь, пока погонят его, резво подался в сарай, за углём. Вернулся он, как всегда, с новостями:

— Набирал уголь... Там глыба такая огромная. Я молоток взял и ка-ак ударил её. Со всех сил! И вдруг — взрыв такой! Все осветилось! — Он вскинул руки. Глаза его сияли восторгом. — Там же темно. И вдруг — огонь! Синий такой!

— Ты, может, спичкой чиркнул? Поджог? — тревожно спросила мать.

— Нет. Я глыбу ударил — и сразу такой взрыв!

Фёдор молчком сходил в сарай и сразу вернулся.

— Чего там? — спросила жена.

— Как всегда, брешет, — махнул рукой Фёдор, а пасынку сказал: — Ты на рожу на свою погляди в зеркало, взрывник.

Но Фетисыч ещё не всё рассказал. Он вынул из кармана телогрейки четыре куриных яйца и сказал матери:

— Ты меня не ругай, ты прости меня. Я одно яйцо разбил нечаянно.

— Это уж как положено. Хорошо хоть не все кокнул.

— Зато я сделал доброе дело: тётку Шуру обрадовал. Я из гнезда забрал яйца, там их десять было. Пять тёмных и пять белых. Я сообразил: у нас все куры красные, они тёмные яйца несут, а у тётки Шуры — белые, значит, её куры у нас снеслись. Правильно я сообразил? А тётка Шура как раз во дворе была. Я её и обрадовал, отдал пять яиц и сказал, что всегда буду белые яйца ей отдавать. Правильно я сделал?

Фёдор ухмыльнулся.

— Тебя кто за язык тянул? — досадуя, спросила у Фетисыча мать. — Тебе кто велел лезть в эти гнезда? Тёмные, белые... Грамотей. Либо тебе куры докладывают, какие они яйца несут? Знахарь... Она своих кур сроду не кормит. А мы вволю сыплем. Вот они и бегут на чужбинку. А ты ей — яйца. И она взяла, бесстыжая. А ты вечно суёшь свой нос куда не просят.

Фетисыч всё понял и молча убрался из кухни. Добро, что дом был немалый: три комнаты кроме кухни. Самая дальняя —

Фетисыч — правнук Филиппка

Журнал «Народное образование» не раз обращался к наследию писателей, писавших о школе, о просвещении. А.П. Чехов, В.М. Дорошевич, Н.Г. Помяловский... Классики русской прозы и журналистики в своих произведениях правдиво и художественно отразили фрагменты школьной жизни своего времени, подняли целый ряд «вечных вопросов», которые никогда не потеряют актуальности. Рассказ «Фетисыч», который мы предлагаем вашему вниманию, написан совсем недавно — в середине 1990-х годов...

Писатель Борис Петрович Екимов родился в Игарке, в 1938 году. Работал токарем, электромонтёром на заводе, строителем. Трудился в разных городах России и Казахстана... Почувствовав в себе писательское призвание, Борис Петрович пришёл к школе, к работе учителя. Учительский труд испокон веков сочетался с писательским. Первая публикация Б.П. Екимова состоялась в далёком 1965 году. В семидесятые годы вышли в свет книги «Девушка в красном пальто», «У своих», «Офицерша». Позже были и другие книги, подтвердившие талант прозаика в самом трудном, гроссмейстерском жанре русской литературы XX века — в жанре рассказа. Критики причислили Екимова к плеяде деревенщиков. К волгоградскому писателю пришла не громкая, но заслуженная слава, читатели Советского Союза поверили Екимову. А в девяностые годы его рассказы и вовсе стали ярчайшим событием в нашей небогатой литературной жизни. Пожалуй, никому из писателей не удалось сказать о новом времени так правдиво. И дело вовсе не в публицистике риторических фигур — дело в том, что образы Екимова, вышедшие из девяностых годов, не фальшивы. В них живут все противоречия нашего времени, в героях Екимова всегда можно различить и божественное, и человеческое начало, возвышенное и земное. Писатель заговорил о школе. Школа Фетисыча — это не только «многих славных путь», путь к свету просве-

щения. Школа — это то объединительное начало, которое заставляет маленького гражданина чувствовать себя частицей культурного и государственного пространства. Фетисыч — человек самостоятельный и упорный, но именно школьное учреждение становится для него необходимой духовной опорой. Затерянная в тихих местах школа. Помните, как писал поэт:

Школа моя деревянная!..
Время придёт уезжать —
Речка за мною туманная
Будет бежать и бежать.

Очень важный для каждого из нас, несокрушимый образ. Вспоминаются и Некрасов, и Рубцов, и Лев Толстой... И Екимов, его Фетисыч. Фетисыч, который готов пожертвовать своим детством, чтобы помочь школе... Имеем ли мы право обделять таких Фетисычей великим завоеванием XX века — общедоступной школой?.. Этот нелёгкий вопрос задают себе читатели Екимова, проникнувшись атмосферой нынешней постыдной разрухи... Маленький Фетисыч — несомненный правнук толстовского Филлиппка — отчаянно вступает в бой с этой разрухой — и, как бы ни сложился сюжет рассказа, выходит победителем. Он не предаст свою деревянную школу, он из крепких, он ещё поучительствует в ней...

Проблемы современной сельской школы в «Фетисыче» проявляются с беспощадной, хирургической точностью. Не хватает учителей, не хватает тепла — и электрического, и душевного. Но мальчик знает: не стоит село без праведника. Он бессознательно ощущает ответственность за школу, за своих младших товарищей... Вдумаемся: сколь многое сообщает нам о нас самих этот литературный образ — сельский школьник Яков Фетисыч. На таких Россия держится. И уже нелегко различить — на реальных или на литературных героях. Главное — на героях.

Арсений Замостьянов

его. В невеликой этой комнатке стол да кровать помещались, на стене — красочный плакат улыбочивого мускулистого мужика с квадратной челюстью и короткой причёской, по фамилии Шварценеггер. Фетисыч когда глядел на него, то напрягался и зубы скалил. Но на Шварценеггера он был не очень похож. Во-первых, девять лет от роду. Во-вторых, стричься было негде. Отчим Фёдор мудрил порою над ним с машинкой да ножницами, оставляя чёлку на лбу и голый затылок. Получалось не очень внушительно: чёлка светлых волос, вздёрнутый нос, круглый подбородок — далеко до силача. Но Фетисыч тренировался. В школе на турнике подтягивался на пятёрки целых шесть раз.

Через комнаты глуховато, но слышно было, как ругается мать: — Это вы вчера рамы с медпункта пропили? Доумились? — Разведка доложила?

— Доложила. Вот участковый прищемит — назад потянете. Курочат всё подряд. Всё на пропой, на пропой. А нам край надо бы возле кухни затишку постановить, как у кумы Таисы. В затишку — печку. Летом так расхорошо, не жарко. И курник стоит раскрытый. Шифера бы листов пять или досок, хоть горбыля. Люди во двор тянут, для дела, а ты...

— Пузырь поставь — и к тебе притянем.

— Да уж всё растянули. Свинарник какой расхороший был, сколь шиферу, сколь досок. А в клубе, говорят, и полов уж нет.

— Полов... Вспомнила. Уж потолки снимают.

— Либо Рабуны? Они же кухню строить задумали. Рядом живут. Хозяева. А у нас курник раскрытый.

— Пузырь. И всё будет! — оживился Фёдор.

— Да если в дело, я два поставлю.

— Это уже разговор.

— Бесстыжий... Для дома, для семьи, а ты готов...

— Это не разговор, — перебил её Фёдор.

— Разговор, не разговор. Засели, как баглаи. Только и глядите, где бы чего украсть и пропить. Нет чтобы на ферму прийти да жёнам помочь, — корила Анна. — Бабы — в мыле, а мужики прохладничают.

— Вы задарма горбитесь — и мы пойдём рядом с вами. Коммунистический труд? Пошли они.

— Вот и пошли... А водку кажедённо глотать...

Укоры были те же, что и вчера, и позавчера, и всю долгую осень. А у Фетисыча уроки были сделаны, можно и в школу отправляться. Хоть и рановато, но веселее там.

Через кухонную толкотню, где суматошилась мать, понемногу наливался похмельною злостью отчим, и лишь кудрявая Светланка жила своей детской счастливой жизнью. Через всё это Фетисыч пробился быстро и выбрался на волю.

Уже пошёл декабрь, но долгая поздняя осень, словно грязная злая старуха, бродила по хуторам. Низкие набухшие тучи, морося, ползли и ползли, а то и висели над хутором, цепляясь сирым провисшим брюхом за маковки старых груш. По теплу, по лету, хутор тонул в садах. Теперь же через голые ветви всё наск-

возь было видать: от далёкого Заольховского кута, который упирался в лесистое займище, до самого озера, с белым песком на берегу, с жёлтыми камышами. Весь хутор словно на ладони: серые нахохленные дома, сарай, базы, высокие сеники, просторные огороды. И тихо было на хуторе, пустынно: ни людей, ни машин. Одно дело — зябкая слякотная осень; другое — работы нет. Свиной давно на мясокомбинат сдали, овец раньше продали, коров один гурт неполный остался. Тут ещё плотницкую да кузницу на зиму закрыли. А дороги развезло и хлеб печёный не возят. То хоть возле кузни да плотницкой с утра народ толкся, на бригадный наряд в контору ходили, потом у магазина собирались бабы да старики, ожидая хлеб. Нынче все по домам сидят.

От дома Фетисыча видна была и школа. Она лежала на въезде, вначале длинной, через весь хутор, улицы, по которой стояли бывшие клуб, медпункт, детский садик, почта, баня да магазины. Напрямую, дворами да проулками, до школы можно было добраться в два счёта. Но обычно Фетисыч не спешил, выходя на улицу главную, мимо подворья многодетного Капустина, где день и ночь мотались на верёвке детские штаны да рубашки. Фетисыч свистел, заложив пальцы в рот. И тут же во всех окошках появлялись расплющенные о стекло ребячьи носы. Шестеро детей было у Капустина. Старшей — девять лет, ребятам-двойняшкам — по восемь, дальше — вовсе горох. Ещё один свист раздавался возле дома Башелуковых, для первоклассницы Маринки с прозвищем Кроха. И всё. Башелуковы жили на углу. Отсюда лежала по главной улице прямая дорога до самой школы.

За долгие годы улицу выездили, посередке тянулась глубокая лужа. Старый брехун Архип божился, что в разлив в эту лужу из озера карась заходит и можно его ловить. Лужа и летом не высыхала, зеленея. А уж теперь словно море была, топя заборы. Правда, заборов на главной улице почти не осталось. Дома казённые, брошенные, заборам ли уцелеть.

Всякий день на пути в школу Фетисыч наведывался в эти руины прошлого. Добро, что двери да окна в домах брошенных — настежь, а чаще — чернеют пустыми глазницами.

В бывшем медпункте, где и теперь пахло лекарствами, Фетисыч садился в высокое блестящее кресло. Оно вращалось. Крутнёшься раз-другой — и дальше пошёл. Клуб ещё год назад стоял на запоре. Нынче — всё раскрыто. Сцену разобрали, выдрали полы. Дед Архип ободрал дерматин с кресел и шил из него чирики. Красный цвет, он приметный. Полхутора в этих чириках щеголяли. В бывшем магазине можно было залезть в большой холодильник, прикрыть дверцу — и вроде тюрьма. Там же лежал на боку тяжёлый запёртый сейф. Его курочили, но так и не открыли.

Хуторская школа — длинное дощатое здание на высоком кирпичном фундаменте — когда-то была восьмилеткой. Директор, завуч, завхоз, учителя... Школьники с трёх хуторов сходились. Ныне старая учительница Мария Петровна пестала, кроме главного своего ученика Якова, трёх Капустиных да Маринку Башелукову. В просторной школе топили одну печку на две комнаты: класс и ещё одну рядом, под названием «спортзал», со шведской стенкой, трапедией да перекладиной. Уроки начинали по-своему, к полудню. Некуда было спешить.

Первым приходил Яков. Забирая ключ у технички, молоденькой тётки Вари, которая напротив школы жила, он первым делом спрашивал:

— Натопила?

— Натопила, натопила... Иди проверь, завхоз.

У школьного крыльца стояли корыто с водой и большой сибирьковый веник, чтобы сапоги отмывать. Хотя потом в школе и разувались, меняя обувь, но на крыльцо грязь не тягали. За этим Яков следил. Он был официально назначен старостой и помощником старой учительницы и в школе чувствовал себя свободней, чем дома.

Пустое длинное здание с длинным коридором встречало тишиной и гулким эхом шагов. Две комнаты с общей печкой были хорошо натоплены, в классе зеленели горшки

с цветами, пестрели на стенах рисунки, аппликации да вышивки — детское рукоделье. Три светлых окна глядели на хуторскую улицу.

Яков проверил печку и, усевшись за учительский стол, стал ждать. Голоса Капустиных, как только вываливала орава из дома, звенели без умолку, приближаясь. Школьников у Капустиных было трое, но обычно прихватывали довеска — шестилетнего Вовика, который ревмя ревел, в школу просясь. А коли не брали его, то убежал из дому и приходил самостоятельно.

Шумно прибывали Капустины. Школа оживала. Вслед за ними, опаздывая, медленно поспешала первоклассница Маринка Башелукова — махонькая девчушка с большим красным ранцем за плечами. По тёплому времени старые люди выходили глядеть на неё, когда она горделиво несла через хутор белые пышные банты на аккуратной головке. Глядели и вздыхали, вспоминая былое.

Так было и нынче. Яков через отворённую форточку приказывал:

— Сапоги чисто промывайте! Не тягайте грязь!

Собрались. Расселись за партами. Учительница Мария Петровна запаздывала. Как всегда в таких случаях, Яков открыл журнал посещаемости.

— Башелукова.

— Здесь, — тонко пискнула девчушка, поднимаясь. Она всегда была с белыми бантами в косичках, с белым отложным воротничком — словно городская первоклассница.

— Капустина.

— Здесь.

— Капустин Пётр... Капустин Андрей.

— И я здесь, — отметил Капустин-младший, довесок.

В журнал его не положено было записывать, а хотелось — как все.

Марии Петровны не было. Яков решил сбежать к ней. Но прежде, чтобы не теряли зря времени, он дал задания: кому примеры, кому упражнения. А малышу Капустину вручил лист бумаги и велел рисовать. Всё это было для Якова делом привычным. Старая учительница порой хворала, порой уезжала к дочери в райцентр, оставляя надёжного помощника — Фетисыча. Он старался.

А жила учительница недалеко, в старом домишке, в каком жизнь провела. Яков отворил калитку и сразу почувал неладное: настежь были открыты все двери — коридорная, кухонная, сарая.

— Мария Петровна! — заглядывая в дом, позвал Яков.

В доме горел свет. Но никто не ответил.

— Мария Петровна! — окликнул он во дворе.

Старая учительница была в сарае. Она стояла, навалившись на угольный ящик. В полутьме Яков не сразу её заметил, а потом бросился к ней:

— Мария Петровна...

Учительница была мертва и стала валиться на мальчика, как только он тронул её. Яков с трудом, но не дал ей упасть. Ледяная рука, окостеневшее тело всё сказали ему. Он прислонил мёртвое тело к стене сарая и бросился вон.

Потом, когда к учительнице поспешили взрослые, он издал глядел, как её заносят в дом. Он поглядел и пошёл к школе. Он чувствовал, что озяб. Пробирала дрожь.

У крыльца, отмывая в корыте грязные сапоги, он решил, что о смерти учительницы в классе говорить сейчас не станет. «Про уроки забудут, — подумалось ему. — День пропал, его не вернёшь», — повторил он слова учительницы. И ещё что-то, более важное, останавливало его: он не до конца поверил в смерть, какая-то последняя надежда теплилась — может, ещё оживёт.

Окончание в НО № 8